

О Машеньке из Мышеловки.
 Не стыдно ль нам за жизнь такую,
 За эту смуту на Руси?
 Не мы ль теперь, собой рискуя,
 Должны страну свою спасти?!
 Разор, террор, как вражьи танки,
 Идут на нас со всех сторон.
 Как нам отбить их все атаки
 И выставить от бед заслон?

Т.А. Грива

Партизан, министр, миротворец

...Сергей Прокопенко заканчивал первый курс Московского политехнического училища, когда по радио прозвучало: «Вставай, страна огромная!». В октябре 41-го училище в полном составе бросили на фронт севернее Волоколамска. Курсанты вместе с бойцами народного ополчения вынуждены были стать живой стеной на дороге к столице, имея в распоряжении лишь трёхлинейные винтовки, гранаты да станковые пулемёты.

— Сергей Кузьмич, страшно ведь оказаться лицом к лицу с хорошо вооружённым врагом, тем более в восемнадцать лет. Что поддерживало ваш дух?

— Скорее всего. Спасали выучка и мальчишеская отвага. Мы были настроены патриотически. Наше краснознаменное училище имени Верховного совета РСФСР считалось лучшим военным учебным заведением — там преподавали ведущие командиры Красной Армии. За год я уже кое-чему научился: знал оружие, метко стрелял (к слову сказать, ещё до войны получил значок «Ворошиловский стрелок»), разбирался немного в тактике боя, умел ходить по азимуту. Конечно, в боевой обстановке всё совсем не так, как в учебном классе или на полигоне. Главное — не дрогнуть, не удариться в панику. В бой вела лютая ненависть к оккупантам.

Но как ни будь храбр, «пуля — дура» не разбирает, в кого ей попасть. В тех боях Сергея ранило и контузило. После лечения его направили в воздушно-десантные войска. На запрос штаба из училища пришёл ответ, что приказом Наркомата обороны СССР кур-

санту С. Прокопенко в ноябре 1941 года досрочно присвоено звание лейтенанта. Вот только в управлении кадров НКО его личное дело всю войну пролежало невостребованным с пометкой: «Пропал без вести».

А без вести пропавший возглавил отряд оперативной разведки, заброшенный в первых числах января 1942 года в тыл противника в районе Вязьмы (в 35 — 40 километрах от линии фронта), где он соединился с другими отрядами 4-го воздушно-десантного корпуса.

Дальше произошло то, что и в страшном сне не привидится: окружение. Питались крохами: на бойца — по 100 граммов ржи и немного конины убитых лошадей. Почти три месяца группировка советских войск из последних сил оборонялась, чтобы не оказаться в фашистском плену. Разведав слабое звено в цепи противника, отряд десантников под командованием лейтенанта Прокопенко совершил отчаянный, с большими людскими потерями, прорыв железного кольца. Молодёнкому командиру осколком перебило кисть правой руки, но, к счастью, удалось пробиться к своим в смоленский партизанский отряд.

Пожилой фельдшер, осмотрев обмёрзшую кисть, вынес безоговорочный приговор: «Резать! Гангрена — это смерть». Сергея привязали к операционному столу ремнями, предварительно дали выпить спирта, обкололи рану новокаином вместо общего наркоза. Седой эскулап, взявшись за ножовку, ободряюще произнёс: «Ну, сынок, держись!».

До землянки паренёк еле доковылял без кровинки в лице, а виски покрылись «инеем».

...Мой собеседник надолго умолк — вернулся памятью в военную юность, ведь мы проезжали белорусское Полесье.

— Да, в таких вот местах, вблизи Полоцка, в Экиманском бору базировался отряд «Смерть фашизму!», куда я попал летом 42-го после того, как каратели прочесали огнём места расположения смоленских партизан. По приказу командования мы передислоцировались в Белоруссию, в район, не занятый гитлеровцами. Оттуда совершали диверсионные рейды: подрывали эшелоны, мосты, нападали на гарнизоны, создавали агентурную сеть для сбора разведанных о противнике...

С каждым месяцем партизаны действовали всё решительнее. В Белоруссии 440 тысяч человек сражались в их рядах, контролируя 60 процентов оккупированной ими территории.